

но тот же Новиков издал его еще в 1773 г. в «Живописце».¹⁹ Текст этой первой публикации разительно отличается от всех последующих, а также от современных списков; мы обнаруживаем не только отдельные разночтения, но даже новые строки, неизвестные по другим вариантам. В «Живописце» отмечено, что это стихотворная надпись, «на камне над гробом его в Заиконоспасском монастыре вырезанная». Казалось бы, именно публикация 1773 г. сохранила окончательный текст надписи. И только сличение всех вариантов с сохранившимся и лишь недавно открытым надгробием (ныне находится в Музее с. Коломенского в Москве) показало, что первая публикация Новикова была сделана по весьма неисправному списку, полному ошибок.

Приведенные примеры красноречиво показывают, что в изучении эпитафии еще не разрешена задача выявления всех текстов, их датировок и атрибуций. Связано это, в частности, с тем, что практически игнорируются «непрофильные» для литературоведов источники, например разного вида некрополи. Между тем как раз для XVIII в. подобные издания служат одним из важнейших источников пополнения корпуса академических собраний.²⁰

Однако архивные и библиографические разыскания могут вести целенаправленно только после уяснения и некоторых принципиальных вопросов истории и поэтики жанра. Хотя эпитафия, казалось бы, исключительно формульный и нормативный жанр, в издательской и научной практике не единичны случаи широкого употребления термина, и в результате в разряд эпитафий зачисляются не связанные с этим жанром стихотворения.²¹ Не так давно С. Н. Травников опубликовал три стихотворения В. П. Колычева, отметив, что в них «соблюдены все формальные признаки жанра эпитафии: малый объем, обращение от лица друзей к покойному, характерные словесные формулы».²² Несмотря на это, только одно из трех стихотворений может быть отнесено к названному жанру («Надпись к гробнице кн. В. М. Долгорукого-Крымского»), два других не могут считаться эпитафиями («О смерти графа Чернышева, к жителям Москвы» и «Надпись к грудному изображению, поставленному в Гермитаже ее императорского величества боярина генерал-фельдмаршала и разных орденов кавалера Б. П. Шереметева»). Они относятся к иным поэтическим жанрам. Очевидно, что формальные признаки жанра еще нуждаются в подробном описании, равно как и определение самого жанра и его видов. О последних С. Н. Травников пишет, что «в русской литературе существовало три вида стихотворных эпитафий:

¹⁹ См.: Живописец. 1773. Ч. 2. Л. 20. С. 368—371. Перепечатано в кн.: Сатирические журналы Н. И. Новикова. М.; Л., 1951. С. 447—448.

²⁰ См.: Степанов В. П. Забытые стихотворения Ломоносова и Сумарокова // Русская литература. 1978. № 2. С. 111—115.

²¹ См.: Сумароков А. П. Избр. произведения. Л., 1957. С. 260; Русская эпиграмма второй половины XVII—начала XX в. С. 215.

²² Травников С. Н. Эпитафии В. П. Колычева // Жанровое своеобразие произведений русских писателей XVIII—XIX вв. М., 1980. С. 20.